

«ЧТО БЫЛА ЕМУ РОССИЯ?»
(ПО РОМАНУ А.Н.ТОЛСТОГО «ПЕТР I»)

Сухих О.С.

Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского

В сб.: Грехневские чтения. Сборн. научных трудов. Вып. 4. – Н. Новгород: Изд. Ю.А. Николаев, 2007. С. 169-175.

В российской истории было множество таких моментов, когда власть имущие ради великих целей жертвовали принципами гуманизма совсем по-раскольничьи: чтобы «сказать новое слово миру», можно переступить через моральные запреты. Любой государственный деятель в большей или меньшей мере, но использует насилие. Разница в том, ради чего это делается: ради сохранения власти, ради победы в войне или ради процветания государства и т.д. У Достоевского Раскольников хочет «переделать общество по новому штату» и избавить от страданий «маленьких людей», таких, как Полечка Мармеладова, но он не выдерживает даже первого шага. В русской литературе XX в. существует герой, которому действительно удалось перестроить жизнь общества и государства «по новому штату», – Петр I из одноименного романа А.Н.Толстого. Войны с турками и шведами, создание флота, строительство Петербурга – все это объективно способствовало развитию и преобразованию России, но было сопряжено с массой жертв. При нескольких неудачных штурмах Азова гибнет множество людей, но Петр решает, что крепость должна быть взята любой ценой. Строительство Петербурга требует новых налогов и людских ресурсов, что делает невыносимой жизнь простого человека. Прощание со стариной символически выражено в казни стрельцов и т.д. Историки пишут, что петровские реформы почти наполовину сократили население России.

В отличие от Раскольникова Петр I не испытывает нравственных страданий и колебаний. Герой Достоевского говорит, что если бы Наполеону для начала его карьеры понадобилось бы убить жалкую старушонку, то он даже не задумался бы. Герой А.Толстого, по всей видимости, принадлежит именно к такой категории людей. Во всяком случае, перед ним практически никогда не стоят проблемы нравственного выбора. Отчасти это объясняется, по-видимому, типом личности героя: он человек не рефлектирующий, а действующий, поэтому приемы «самоанализа» и «диалектики души» в духе Л.Н.Толстого автор использовать не может. К тому же Петр всегда в борьбе: за жизнь, за власть, за реформы; он не раздумывает и не мучается: для него всё всегда решено. Он героически противостоит судьбе, людям, об-

стоятельствам. Однако для понимания внутренней сущности героя этого недостаточно: важны ведь не только сами действия, но и их мотивы. Ради чего Петр рискует всем и тратит все силы, стараясь изменить жизнь России? Каков его самый глубокий, собственный, личный мотив? Чтобы так беззаветно посвятить всю жизнь благоденствию своей страны, нужно, видимо, очень сильно любить её, однако отношение Петра I к Родине весьма далеко от любви. Он с юных лет видит в России лишь отсталость, варварство. Для него «лучше быть часовым мастером в Голландии, чем царем в России»¹, хотя, в принципе, в нем есть русское начало: душевный порыв, нерасчетливость, страсть к русскому безудержному веселью. Когда, например, в Германии, в замке курфюрстин, играют итальянские музыканты, то ему это кажется слишком скучным, и он посылает за своими, преображенскими дудочниками и с радостью смотрит на пляску Алексашки. Когда по-немецки трезвомыслящая Анна предлагает Петру предупреждать о своем приезде заранее, чтобы меньше было напрасных расходов, то он явно смотрит на это неодобрительно, как человек с русской широтой души.

В Петре живет русский дух, но тем не менее отношение его к России гораздо ближе к ненависти, чем к любви. Собираясь покидать Кукуй, он говорит: «Завтра в Москву ехать, – мне это хуже не знаю чего». В России он видит лень, нищету, косность, но никогда не отмечает хоть что-нибудь позитивное... При описании поездки в Архангельск автор выражает точку зрения героя так: «Какой была – сонной, нищей, неповоротной, – такой и лежит Россия... Так терзали раскаяние и злоба на своих, русских, и зависть к самодовольным купцам, – распустят вольные паруса, поплывут домой в дивные страны... А ты в московское убожество...»

Ненависти к России в романе противопоставлена столь же сильная любовь к благословенной Европе, символом которой для Петра становится Лефорт: «Петр любил в Лефорте свои сладкие думы о заморских землях... все, что с детства мерещилось ему на картинках и печатных листах, привозимых из-за границы. Даже запах от платья Лефорта был не русский, иной, весьма приятный...»

Когда человек находится вне своей страны, в нем часто просыпается ностальгия. Даже Санька Бровкина-Волкова, которая всегда мечтала «блистать» в европейском свете, за границей временами скучает: «... крыжовнику хочу нашего, с огорода... На качелях бы я покачалась в саду над Москвой-рекой...»

У Петра же таких настроений никогда не бывает, наоборот, за границей он начинает еще больше ненавидеть Россию, противопоставляет ей Германию: «Милая жизнь... Слышь, и собаки здесь лают без ярости. Парадиз... Вспомню Москву, –

так бы и сжег её... Гляди, – звезды здесь ярче нашего... Погоди, Алексашка, вернись – дух из Москвы вышибу...» Можно даже сказать, что Петр I не просто любит европейские страны, но и мыслит как немец или англичанин, но не как русский. Английский лесоторговец Сидней говорит: «Война – дорогая и печальная необходимость, но торговля – это благословение господне... Мы, англичане, полагаем, что счастье нашей страны в успехах морской торговли...» Петр потом почти дословно повторяет: «Мы моря хотим воевать... Полагаем счастье нашей страны в успехах морской торговли. Сие – благословение господне...» В принципе, здесь можно увидеть влияние идей протестантизма. Но, во всяком случае, не в русских традициях считать благословением господним не что-нибудь, а торговлю и богатство, и именно в этом видеть смысл жизни и счастье (не просто способ процветания, не заработок, а счастье!) С точки зрения нашего менталитета эти вещи не входили в состав высоких ценностных категорий и не составляли центральных понятий жизненного целеполагания. Как говорила Марина Цветаева, «сознание неправоты денег» на Руси невытравимо:

Два на земле у меня врага –
Голод голодных и сытость сытых.

Лефорт однажды сказал, что «русская страна страшная... Её – как шубу – вывернуть, строить заново...» В Германии в разговоре с курфюрстинами Петр это повторяет, правда, не дословно: «В России всё нужно ломать, – всё заново...» Нет ничего удивительного в лефортском восприятии России: он говорит о чужой стране, но Петр-то – о своей.

В начале 5-й главы второй книги автор приводит восприятие русских людей иностранцами: «... известна, со слов знаменитых путешественников, бесчестная и низменная природа русских». Опять же это не так уж удивительно: «гордый взор иноплеменный». Однако примерно так же говорит русский царь о своих соотечественниках: «Люди вы или за тысячу лет, истеча слезами, кровью, отчаявшись в правде и счастье, подгнили, как дерево, склонившееся на мхи?»; «Мне русские люди иногда – поперек горла»; «За границей не воруют, не разбойничают. Люди, что ли, там другой породы?» (Лефорт, кстати, на это отвечает, что люди такие же, только им выгодно не воровать). В разговоре с купцами Петр замечает, что не любит русских людей, но других Бог не дал, поэтому приходится иметь дело с ними.

Петру кажется, что за границей люди «правильнее», однако, скорее прав Лефорт, утверждающий, что природа человека везде одна. Очень красноречиво это подтверждается двумя эпизодами, следующими за смертью Натальи Кирилловны.

Петр подавлен, он испытывает вполне понятную тоску и ищет сочувствия у жены, но Евдокия удивительно бестактно и даже грубовато отвечает ему, думая лишь о том, что Петр теперь полновластный царь, а значит, она царица. Интересно, что очень похожие эмоции испытывает Лефортов. Узнав о произошедшем, он *радуется*, что Петр становится «единовластным хозяином», а это дает ему самому большие возможности. Реакция Евдокии проще и «обнаженнее», и тем не менее суть и тут, и там одна. Петр страшно зол на жену, но даже не подозревает, что его самый верный немецкий друг достоин того же.

Петр с восхищением думает о европейцах, умеющих «делать политик», т.е. «понимать свою выгоду». Но он очень удивлен, когда Вильгельм Оранский, клявшийся ему в дружбе, предает его ради политической «выгоды».

Тем не менее Петр, как уже говорилось, ненавидит Москву и любит Европу. И все же он делает очень многое для развития России. На протяжении повествования обнаруживается несколько различных мотивов его действий. Один из них – это ненависть к боярской старине, связанная с той страшной опасностью, что была пережита им в детстве. Когда Петр говорит, что не хочет возвращаться в Москву из-за границы и видеть «морды боярские», то добавляет: «Они меня зарежут, я знаю». Когда молодой царь казнит стрельцов, то ему кажется, что тем самым он уничтожает ту старину, которая «забилась по темным углам» и угрожала его правам на трон и самому его существованию. После подавления казачьего бунта Петр узнает, каковы были планы Ивана Милославского: «Снова поднималась страшная с детских лет тень Милославского, оживала недобитая, ненавистная старина». Будущее же связывается с Европой, которая для Петра символ счастья и процветания. Неясный облик этого будущего ассоциируется для героя и автора с образом корабля. После описания стрелецких казней Толстой говорит, что это был окончательный разрыв с прошлым, со стариной, и теперь «в мартовском ветре чудились корабли». Ради этих кораблей приносятся неисчислимые жертвы.

Другой личный мотив действий Петра I идет еще от рассказа «День Петра», написанного в 1917 г., – это досада на бедность своей страны, зависть к богатой и благополучной Европе: «Что была ему Россия, царю, хозяину, загоревшемуся досадой и ревностью: как это двор его и скот, батраки и все хозяйство хуже, глупее соседского? С перекошенным от гнева и напряжения лицом прискакал хозяин из Голландии в Москву... Налетел с досадой, – ишь, угодые какое досталось в удел, не то, что у курфюрста бранденбургского... Сейчас же, в тот же день, всё перевернуть, перекрыть, обстричь бороды, надеть всем голландский кафтан, поумнеть, думать на-

чать по-иному. И при малом сопротивлении – лишь заикнулись только что, мол, не голландские мы, а русские... Разъярилась царская душа на такую непробудность, и полетели стрелецкие головы» [Толстой А.Н, 3, 1982, 32-33].

В романе «Петр I» герой, как уже упоминалось выше, действительно возвращается из-за границы домой с намерением «дух вышибить из Москвы». Еще ранее, во время поездки в Архангельск, Петр чувствовал стыд и досаду, сравнивая русские «домодельные карбасы» с иностранными кораблями. «Хотелось одного лишь: убе-речь достоинство». Невыносимо ему видеть презрительные улыбки иностранцев, считающих его «царем варваров». Потом, будучи за границей с великими послами и волонтерами, по пути в Амстердам Петр наблюдает жизнь «дивной страны» и гово-рит волонтерам: «Отчего сие? Сидим на великих просторах и – нищие... Нам то в великую досаду».

В романе, в принципе, есть ответ за вопрос, заданный в рассказе «День Пет-ра»: «Что была ему (Петру – О.С.) Россия?» Россия для него отсталая, ненавистная и неумная страна, в которой волей судьбы он должен жить и царствовать, а если он хочет «сохранить достоинство», то необходимо сделать свое «угодье» более цивили-зованным, преобразованным на европейский лад.

Любви к России абсолютно нет в толстовском герое ни в рассказе, ни в рома-не. Но если в «Дне Петра» народ представлен как полностью враждебная царю сила, которую он стремится просто сломить (символом народа становится Варлаам), то в романе проблема взаимоотношений народа и царя решена гораздо сложнее. В Рос-сии есть Меньшиков и Бровкин, которым политика Петра I позволила проявить та-лант и найти место в жизни, но есть и Федька Умойся Грязью, *в цепях* строящий го-род на болоте, есть и сбитенщик из Керенска, который на строительстве Петербурга говорит царю: «Конечно, в старопрежние годы народ жил много легче. Даней и по-боров таких не было. А последние года еще, – сюда, в Питербург, тебе ставь в лето три смены, сорок тысяч земских людей... Легко это?» Петр отвечает на эти его слова: «Мне виднее!» В нем никак не проявляются чувства вины или жалости к «людиш-кам», согнанным в «гнилые места» для строительства будущей столицы. Если он це-нит кого-либо, то только как работника, или солдата, или художника, т.е. как про-фессионала, но не как человека. Поэтому он и не испытывает моральных страданий, жертвуя людьми (Раскольников у Достоевского говорил, что великие люди должны испытывать «великую грусть» из-за необходимости прибегать к вынужденной жест-кости). Тем не менее в романе проводится мысль о том, что стремления Петра объективно совпадают с интересами если не всего народа, то значительной его час-

ти. Когда, например, Петр принимает решение об Азовском походе, то мотивирует его тем, что для развития российской торговли нужен выход к Средиземному морю. Очевидно, что это в интересах русского купечества. Когда Петр готовит штурм Нарвы, то вспоминает, как четыре года назад отступил, чтобы не погубить окончательно армию и государство. Автор здесь говорит, что царь «пожертвовал стыдом и позором ради спасения государства русского». Было ли это действительно заботой о России? Тогда Петр сказал Алексашке, что ему есть что терять: с таким войском, как есть, он шведов не одолеет. Отступление и отъезд в Новгород были ударом по самолюбию царя, но и поражение, потеря армии были бы позором. Он выбрал меньшее из двух зол, руководствуясь целесообразностью. Когда он объяснял Алексашке свое решение, он сказал «Тому мальчишке терять нечего, а мне есть чего...» Ясно, что он во многом воспринимает эту войну как личное соревнование с Карлом, чувствует, что это *его* войско слабее шведского. Спасая от окончательного поражения себя, он одновременно спасает Россию, т.к. интересы царя и государства на этот раз совпадают.

В литературоведении распространена идея, что романом «Петр I» А.Толстой выразил свою приверженность сильной власти, способной волевыми методами изменить жизнь народа, и тем самым подчеркнул симпатию к большевизму. Он видел «переключку эпох». «Надеждам на рай небесный и мечтам о «рае на земле» автор противопоставляет революционную утопию – петровский «парадиз» [Свердлов М., 53]. Если согласиться с тем, что отношение Толстого к Петру проецируется на его отношение к Советской власти (а для этого есть основания), то нужно признать, что и понимание мотивов действий Петра также проецируется на мотивировку действий большевиков в начале XX в. Петр, как и они, не любит Россию, но объективно приносит пользу государству – большевики, видимо, в понимании писателя, могли поступать так же. Толстой разделял идеологию сменовеховства и считал возможным сотрудничество с большевиками, так как они вновь собрали развалившееся после Февральской революции государство и укрепили его (приняли, по словам Черчилля, Россию «с сохой», а оставили с «атомной бомбой»).

Литература и примечания

Толстой А.Н. Петр I. – М.: Изд-во «Правда», 1968.

Толстой А.Н. Толстой А.Н.Собр. соч.: В 10 тт., т. 3.– М.: «Изд-во «Художественная литература», 1982.

Свердлов М.И. Добро и зло в романе А.Н.Толстого «Петр I» // Русская словесность, 1999, № 4.

---

¹ Текст романа А.Толстого «Петр I» цитируется по изданию: Толстой А.Н. Петр I. – М.: Издательство «Правда», 1968.